

БЕДА НАД СПАСОМ

Иван Михайлович Артемов жил с женой Клавдией в просторной старой избе на берегу широкой реки Мокши. Многие наивно полагали, что название ее связано со словом «мокрый» и подразумевает болотистые окрестности. Однако московский профессор, однажды отдохавший здесь летом, убежденно утверждал, что имя реки – древнеиндийского происхождения и означает глубокое философское понятие, связанное с человеческой судьбой. Места здесь были живописные, вольные, кругом леса да озера, а воздух до того чистый, что казалось, благодать божья разливается по телу, когда он попадает в легкие. Местные не придавали значения такой его странной особенности, видимо, воспринимая ее, как нечто само собой разумеющееся, а вот приезжие отмечали сразу. А причина тому – огромные сосновые боры, похожие скорее всего на роскошные парки, где – не чета лиственному и смешанному лесу – не встретишь бурелома и чапыжника. И все бы хорошо, но после образования в верховьях водохранилища, Мокша год от года стала подмывать речной мыс-излучину, на которой стояла их деревенька. Два дома уже смыло в половодье, а остальные рано или поздно ждала та же участь.

Кто попроворнее да пошустрее, перебрался в пустующие дома соседних деревень, молодежь подалась в город, а старик Артемов с немногочисленными соседями остался доживать в Спасе. Не хотел бросать отчину, приглянувшуюся еще далеким предкам, появившимся Бог весть откуда и прочно обосновавшимся здесь. Жили в Спасе, насколько знал Артемов, прадеды его и деды, стоял здесь старинный погост с часовенкой, сработанной при помощи одного лишь топора. А избы – на высоких подклетах, с огромными дворами, мощными накатами взвозов, венчаные коньками да языческими птицами, с нарядными причелинами и наличниками, с деревянными желобами водосточников, крепленных по старинке на «курицах», без гвоздей – не избы, а древнерусские ладьи, плывущие в небесную гладь реки.

Прошли в краю сосновых боров детские годы Ивана Михайловича. Как сейчас, стояли перед глазами отец его и мать, еще молодые, вечно в трудах. То косят родители сено или стогуют, то отец землю боронит на паре куцых лошадемок или плотничает во дворе, а мать хлопочет возле большой русской печи. Отсюда ушел Иван Михайлович на фронт и вернулся в сорок пятом на костылях. Левая нога у него была покалечена. Несмотря на это продолжал Артемов трудиться в совхозе, без работы не мог.

Нет, бросать Спас не могло быть даже и мысли. Крепко задумался Артемов, как спасти деревеньку от дикой стихии. И понял вскоре, что убереечь можно. В незапамятные времена Мокша текла в стороне от Спаса, но потом по неизвестным причинам изменила свой путь. Нужно было пустить часть вод

разгулявшейся реки в старое, идущее неподалеку русло, а для этого прокопать канал около ста метров длиной.

Написали местные жители письмо районному руководству, просили выделить технику на рытье траншеи. Долго оно лежало под сукном, потом за подписью секретаря Снеткова пришел все же ответ: так, мол, и так, деревня ваша бесперспективная, подлежит расселению, и проводить здесь какие-либо работы нецелесообразно.

Вот тогда переправился Артемов на смоленой плоскодонке на противоположный берег Мокши и принялся копать... Такой он был человек, не умел ждать у моря погоды. Привык на себя рассчитывать. Жизнь его крепко была, и выучила одной простой истине: в трудный момент нужно верить только себе и работать. И он работал – весной, когда отовсюду просачивалась вода, в едкий зной, в пронизывающий холод, до глубокой осени.

Вскоре нагрянули в Спас чиновники из района. Копать запрещали. Земля, дескать, государственная, и самовольничать никто не имеет права.

-Вы нас, значит, топить в воде будете вместе с избами, а мы и пикнуть не моги? – огрызнулся старик, и лопаты не бросил.

Чинуши районные стаями вокруг него сновали. «Порченую» землю замеряли, акты составляли, комиссии лукавые устраивали да штрафами грозили. Но старик не сдавался. Он молча копал землю, потому как знал: умрет он, и никто не сбережет Спас, завещанный пращурами.

Что-то не рассчитал все-таки старик, очень медленно шла работа, совсем не так, как бы хотелось. Траншея метра в два шириной и почти столько же глубиной ползла к заветному руслу со скоростью черепахи. Вот уж год миновал, потом второй, третий пошел... Но старый солдат был настойчив в задуманном. Он работал и работал с упрямством заговоренного. Ныли кости, болела старая рана, не раз спину прихватывало. Но едва отлежавшись, старик вновь брался за лопату.

К тому времени райкомовскому начальнику Снеткову директиву «сверху» спустили – «повернуться ближе лицом к людям». Да к тому же компетентная комиссия пришла к однозначному выводу: по прогнозу в ближайшие годы Мокша не только деревню с погостом затопит, это бы еще полбеда, но и заповедные уголья, охраняемые государством. Значит, правильное дело затеял старик Артемов. Другую политику стал гнуть Снетков. Договорился с местным строительно-монтажным управлением выделить экскаватор, да поддержать рядовых жителей Спаса в лице Артемова.

Экскаваторщик резво продолжил дело старика. Машина не в пример высохшим жилистым рукам, вооруженным одной лишь лопатой, споро жевала грунт. Только лязгала она стальными челюстями недолго. Пошли старые коренья, бурелом. В СМУ решили, что дальше копать нельзя. Приехало начальство. К сорока метрам траншеи, вынутых экскаватором, приписали тридцать, проложенных вручную стариком. Оформили наряд на семьдесят

метров прохода, получили деньги. Не преминул начальник СМУ и со Снетковым поделиться – старые кореша были. Себе – по премии, а Артемову – почетную грамоту за ударный безвозмездный труд на благо родного совхоза.

У Клавдии Артемовой на сберкнижке были кое-какие сбережения, припасенные на двоих с мужем на черный день, «гробовые». Сумма не такая уж и большая, но и не маленькая. Ее составляли деньги, в свое время вырученные от продажи двух коров и телки, и те, что накопила Клавдия, ежемесячно, в течение десяти лет, откладывая по одной трети пенсии.

Реформа девяносто первого года превратила все их сбережения в труху. Теперь на них можно было купить разве что полбуханки ржаного хлеба... Долго причитала Клавдия. Артемов слушал-слушал, не выдержал:

-Ладно, старуха, не убивайся. Нам скоро ничего будет не надо. Два квадратных метра, всяко, тебе дадут. Мы жизнь прожили. Вот только за внуков душа болит. О своих-то меднолобый президент позаботился. А у наших впереди – никакого просвета...

Медленно тянулись долгие зимние вечера. Артемов думал о канале, он уж ему во сне начинал сниться. Вот только отойдет земля – за дело! Коренья вырубать будет. Топор он давно направил что те бритву. Экскаватор не смог, а он – сделает. Большая часть пути пройдена. Руки-ноги на месте, а значит, отступать некуда, так его на фронте учили.

Чуть отошла земля, Артемов вновь взялся за инструмент. На сей раз дело продвигалось совсем плохо. Корни, словно стальная арматура, опутали землю, превратив ее в бетон. Лопата теперь почти не требовалась. Старик то и дело затачивал топор. Приходилось рубить и многочисленный кустарник. Однажды во время такой рубки мощная ивовая ветвь с силой хлестанула Артемова в лицо, боль была невероятной. Артемов лишился глаза.

В ту весну Мокша унесла еще один нежилой дом, затопила огород Артемовых, вплотную подойдя к самой избе. Грустные мысли одолевали старика. Он долго не выходил на улицу, хворал.

Похандрил старик, но потом снова за работу взялся. Оставалось совсем уж немного, да и торопиться нужно было: следующей весной Мокша точно до их дома доберется.

В один из погожих летних дней появился в Спасе Снетков. Приехал на сияющем новизной внедорожнике с литыми дисками и трехлучевой эмблемой на капоте. Приехал он осматривать окрестности. Здешние уголья собирался прикупить и построить охотничий дом для иностранцев. К тому времени Снетков развернулся неплохо. Еще в самом начале девяносто первого всем нутром почуял, к чему дело идет, и из партийных секретарей подался на местный маслозавод директором. Вроде бы как на понижение пошел по тогдашним понятиям. Но нюх Снеткова не подвел. Осенью сменили на заводе форму собственности, и Снетков набрал акций по дешевке. До контрольного пакета однако не тянуло. Работяги на собраниях акционеров свою линию

гнули, не давали ему в полную ширь развернуться. Года два тянулась такая «бодяга», издергался Снетков совсем. А вот когда Ельцин по законной власти из пушек бабахнул, Снетков первым собрал подписи соратников и открытое письмо в областную прессу дал в знак одобрения. Потом письмо то многие центральные газеты перепечатали. С тех пор полегче вздохнулось Снеткову. Послушал он умных людей: «Ты зарплату по полгода не плати, так к тебе работяги сами на коленях приползут, свои акции задарма готовы отдать будут. Голод-то, он ведь не тетка».

Так бывший партбосс и сделал. И уже через полгода стал полновластным хозяином на заводе.

Новая затея с охотничьим домом, воплотись она в жизнь, сулила Снеткову весьма недурной дополнительный доход. Одно обстоятельство только мешало – дома «последних из могикан» Спаса. От них нужно было избавляться, а на освобожденном месте строить новый, по европейским стандартам, комплекс. Посыльные от Снеткова уже шастали по Спасу. Предлагали семьям по пять тысяч – и выметаться из деревни. То, что на пять тысяч не купишь и фанерную пригородную дачонку, их не интересовало. «Не хотите добровольно, красного петуха пустим, сами уйдете, но уже без денег», - пугала снетковская братва. Приходили и к Артемову.

-Не боюсь я тебя! - невозмутимо сказал Артемов наглому бритоголовому трутню. - В войну фашистов били, и с вами справимся.

-Ну-ну, - съязвил отморозок, ощерив желтые фиксы. – Вкалывай пока, старпер, все равно потом все отнимем!

А старик продолжал работать как оглашенный. Он действительно не боялся наведывающуюся в деревню шпану, за которой стоял Снетков. Какое-то могучее, доброе вдохновение осеяло Артемова и придавало ему сил. Он знал – еще немного, и шалая Мокша теперь уже точно успокоится, и красота его родины сохранится на века.

Копал старик с сезонными перерывами уже седьмой год. Много изменилось с тех пор. Ушли в небытие иудушки-краснобаи, уступив место новым, охочим до дармовщины лжецам, «иных времен татарам и монголам». Рухнула страна, партийные секретари и директора производств стали «новыми русскими», а потом, почуяв полную свою безнаказанность, продолжили борьбу за передел собственности, как обыкновенные бандиты. И пошло – одних садят, других «мочат». А он копал и копал.

Однажды он пришел совершенно уставшим.

-Слыхал, Михайлыч?- встретила его Клавдия. – По радио передали, Снеткова посадили. И завод у него отобрали.

Старик отнесся к сообщению совершенно спокойно.

-Правильно, - сказал он. – Человек взятку возьмет. А судьбе ее не дашь... Не вечна нечисть на этой земле, мать. А у меня другая весточка: выкопал я

канал. До самой старицы дошел. Теперь осталось только перемычку у Мокши пробить – всего на день работы...

Старик помылся, перекусил и прилег на кровать. Ему снилось детство, далекое детство... Все чаще почему-то стало приходить оно к нему в воспоминаниях. И лучилось в них светлое, не сравнимое ни с чем, почти младенческое чувство защищенности, ощущение вечности и незыблемости сущего, которое никогда не приходило больше во все оставшиеся годы. Стоит на мысу деревенька Спас, не нынешняя, потрепанная, без половины домов, а тогдашняя: большая, богатая, и кипит в ней всю крестьянская жизнь. Бредут на вечернюю дойку ленивые коровы стада, слышатся завывания буренок, окрики пастуха. Бренчит подошником мать, лаская свою кормилицу. Отец, возвращаясь с работы, захватывает сына в свои большие огрубевшие руки, поднимает, кажется, до самых розовых облаков...

-Так и будешь в одежде лежать? – спросила Клавдия. – Ночь уж скоро, Михайлыч.

И, схватив его холодеющую руку, в предчувствии беды, заголосила:

-Миха-айлыч!..

Его похоронили на деревенском погосте в окружении вековых сосен рядом с родителями, братьями и сестрами. Через день жители Спаса раскопали оставшуюся перемычку, соединяющую канал с Мокшей, и воды ее наперегонки, словно соревнуясь, сокрушая остатки невыбранной земли, хлынули в отвод, проложенный старым солдатом. Пройдя старицу, они соединились с основным руслом, образовав остров. И топь, угрожающе подступившая к избам, медленно пошла прочь...